

Т. А. Загидулина
Красноярск, Россия

**«СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ» — ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В АВИАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА**

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается генезис фразеологизма «сталинские соколы», его функционирование. Для создания объективной картины бытования данного фразеологизма проанализирован объемный корпус совершенно разнородных текстов, выявлены основные характеристики субъекта, для номинации которого мог применяться означенный фразеологизм. Материал художественной литературы сопоставляется с лексикографическими данными, что позволяет проследить трансформацию фразеологизма, а также определить степень образности и метафоричности номинации «сокол» или «ясный сокол» в сравнении с выражением «сталинский сокол». Особое внимание уделяется произведениям «нового фольклора», которые демонстрируют, как новая мифология выступают в качестве идеологического фундамента нового постапокалиптического мира (советская культура мыслит себя как культура после апокалипсиса); новый мир должен развиваться, видимо, по тем же канонам, что и старый, то есть пройти путь от архаичных литературных форм до более совершенных: от былины (новины) к роману. Соколами в советском фольклоре (фейклоре) назывались Ленин и Сталин. Обозначение связи правителя с небом является еще одним инструментом легитимации власти, на этот раз через ее сакрализацию. Орнитологические метафоры применялись и для обозначения других политических деятелей, а также представителей профессиональной группы летчиков. В 10—20-х гг., когда воздухоплавание было относительно новой сферой деятельности, основной функцией таких метафор была гносеологическая, в 30-х гг. она сменилась моделирующей: в образе «сталинских соколов» сочетаются черты сакрального существа, абсолютная маскулинность, сила, отвага и героизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орнитологическая метафора; миф; соцреализм; фольклор; фейклор; семантические функции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Загидулина Татьяна Андреевна, аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, г Красноярск, ул Ады Лебедевой, 89; e-mail: Zagi9@rambler.ru.

Данная статья посвящена проблеме выявления семантических функций орнитологической метафоры, отраженной во фразеологизме «сталинские соколы». Для глубокого понимания этой политической метафоры необходимо рассмотрение фольклорных и авторских текстов, относящихся к избранной эпохе (30-е — начало 40-х гг.). Целостный анализ функционирования избранного фразеологизма предполагает привлечение культурологического, исторического и литературного контекстов.

Проблеме генезиса фразеологизма «сталинские соколы» посвящено исследование И. Козловой «„Сталинские соколы“: тоталитарная фразеология и „советский фольклор“» [Козлова 2013]. Автор работы производит детальный анализ текстов 1930-х гг., стилизованных под фольклорные произведения. В данных произведениях, а именно в сказе М. Крюковой, фигурирует словосочетание «ясные соколы», что отсылает читателя к русскому фольклору и мифологическому комплексу орнитологической метафоры, которая напрашивается сама собой, когда речь идет об авиации и авиаторах. Впрочем, необходимо рассмотреть мифологический комплекс в целом через призму советской солярной символики и новой мифологии недавно образованного государства, которая формировалась в том числе средствами литературы, публицистики.

В данном случае новая мифология выступает как идеологический фундамент нового постапокалиптического мира (советская культура мыслит себя как культура после

апокалипсиса), а новый мир должен развиваться, видимо, по тем же канонам, что и старый, т. е. пройти путь от архаичных литературных форм до более совершенных: от былины (новины) к роману. Это было именно конструирование: многие тексты являлись авторскими, произведения советского фольклора часто сочинялись самими фольклористами. Фольклоризация культуры повлекла за собой публикацию таких произведений, как «Советские соколы» И. В. Ольховского, «Сказ о полярных летчиках» М. Р. Голубковой, «Былина о героях» В. В. Адамова, «Поколен-борода и ясные соколы» М. С. Крюковой.

Внимание к новому эпосу было еще одним способом легитимации молодой советской власти. В статье Урсулы Юстус [Юстус 2000: 77] употреблен термин «fakelog» («фейклор») для обозначения имитации текстовой практики. Этот термин более уместен, чем стилизация: в данном случае речь идет именно об имитации — тексты выдавались за народные произведения: новый фольклор / фейклор творился из готовых, почерпнутых из традиционного фольклора, речевых формул [Юстус 2000: 77], что, разумеется, генетически связывает старый и новый властные дискурсы, позволяя читателю воспринимать новую власть как власть законную и народную, а свой народ как единую общность с единым фольклором. Исчезновение ментальных границ позволяет говорить о преемственности мифологии: «Но фольклор не только превращает Советский Союз в цветущий сад. Он также погружает

Сталина в мифический и мистический контекст, в котором он превращается в настоящего демиурга и властителя Вселенной» [Юстус 2000: 79]. Позже этот дискурс деконструирует В. Аксёнов в своем романе «Москва-ква-ква» (2006). Итак, само появление нового фольклора и фейклора было санкционировано властными структурами, фольклор обретает функцию инструмента конструирования политического социалистического дискурса (речь идет о фольклоре 30-х годов, действительно регулировавшемся свыше. Об этом подробно рассказано в статье А. С. Архиповой, С. Ю. Неклюдова «Фольклор и власть в закрытом обществе» [Архипова, Неклюдов 2010]). Примечательно, что в данной статье описан опыт регулирования фольклорного текстотворчества представителями академической среды: Ю. М. Соколовым, Н. Д. Комовской. Представлен в данном исследовании и иной путь формирования фольклора: «Существовал, наконец, и другой путь формирования „советского фольклора“. „По заданию ЦК партии композиторы и фольклористы командированы на сбор фольклора в Московской области, — рассказывает В. И. Чичеров (1935). — Вернувшись из колхозов, надо надеяться, композиторы будут работать и в области частушек <...> Следующий этап — помощь композиторов кружкам самодеятельного искусства. Композиторы должны вернуть колхозу колхозные же частушки, но благодаря художественной обработке уже поднятые на более значительную высоту“». Таким образом, авторам статьи становится очевидно, что советский политический фольклор 30-х годов являл собой псевдофольклор, весьма интересующий властные структуры и регулирующий ими; об этом свидетельствуют и попытки пресечения реального фольклорного текстопорождения, хоть немного идеологически не соответствующего линии партии).

Ханс Гюнтер в работе «Архетипы советской культуры» [Гюнтер 2000: 743—784] описывает процесс формирования образа советского героя, особое внимание уделяя образу летчика, авиатора. Звание «Герой Советского Союза» было введено именно после спасения летчиками челюскинцев, первыми носителями этого звания стали летчики. Типизацию образов летчиков-героев можно проследить, изучая их биографии, написанные либо ими самими, либо их товарищами-авиаторами: В. П. Чкалов — «Моя жизнь принадлежит Родине» (1954), М. В. Водопьянов — «Повесть о Валерии Чкалове» (1959), А. В. Беляков — «Валерий Чкалов» (1987). Валерий Чкалов был особой, наиболее значимой фигурой в иерархии героев-летчиков. Он не

участвовал в спасении челюскинцев, однако именно его экипаж совершает первый беспосадочный перелет через Арктику по «Сталинскому маршруту».

Х. Гюнтер классифицирует советских героев, типизирует их. Первая категория — герои социалистического труда (летчики относятся именно к этому типу), вторая — герои-воины, третья — герои — политические деятели, четвертая — герои-жертвы. То есть летчики стоят на вершине героической иерархии [Гюнтер 2000: 756]. Стоящие на вершине иерархии и связанные номинацией с легитимирующим властью фольклором/фейклором и публицистикой, они одновременно являются «сынами» «отца» — Сталина и «матери-Родины», именно так они встраиваются в советский онтологический миф.

Наиболее интересной, однако, представляется номинация «Сталинские соколы».

В египетской мифологии (привлечение египетской мифологии совершенно случайно, оно обусловлено близостью советского мифа и мифов древних) в образе сокола выступает бог Гор, сын верховного бога Ра — он «господин небес, бог горизонта» [Мелетинский 2000]: «Для Древнего Египта характерно обилие птичьих изображений на знаменах, гербах и т. п. (сокол, чибис и др.) и образов богов-птиц. Был широко распространен культ сокола (или ястреба), бывшего формой воплощения Гора и его ипостасей. Сокол с распростертыми крыльями был в Древнем Египте символом неба, воплощением бога Монту и считался священной птицей (в частности, олицетворением фараона)» [Иванов, Топоров 1980: 390]. Сокол, являющийся олицетворением фараона, как нельзя лучше вписывается в советскую мифологию: известна любовь самого Сталина к своим «соколам», а также и то, что сын Сталина был летчиком — воплощение и продолжение Сталина имело небесные культурные коннотации.

Вообще подобная орнитологическая метафора, только с эпитетом «ясный», характерна для традиционного русского фольклора. Основным фольклорным образом, связанным с соколом, можно назвать Финиста. Примечательно, что сюжет советского фильма «Финист — ясный сокол» (1975 г.) принципиально отличен от сюжета традиционной русской сказки, представленной в сборнике «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева под номерами 234 и 235 [Афанасьев 2010]. В обеих сказках Финист, способный к оборотничеству, выступает в роли жениха. В советском фильме приоритеты расставлены иначе: во-первых, Финист и сокол — разные персонажи: Финист — пахарь-богатырь (то есть воин-защитник), а сокол — его по-

мощник, докладывающий об опасности. Название фильма является метафорой, причем сам Финист непосредственно к небу и полетам отношения не имеет, непосредственная смежность утрачивается, и метафора становится эквивалентна словосочетанию «добрый молодец» или другим подобным словосочетаниям.

В русском фольклоре представлены образы богатыря Вольги, который обращается соколом. Частотно также уподобление князей соколам в «Слове о полку Игореве». Здесь соколами называются и сами князья, и дети князей. Сокол символизирует княжескую власть, а также смелость и отвагу. Через образ сокола реализуется мотив оборотничества. Номинация «сталинские соколы», появившаяся в 30-е гг., гораздо более точна в плане смежности, метафоричности.

Известен также сюжет египетской мифологии, описывающий противостояние сокола (Гора) и змея (Сета). Подобный сюжет воплощается в произведении М. Горького «Песня о соколе», впервые опубликованном в 1895 г., где описан идеологический конфликт сокола и ужа: «— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга! / — Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!» [Горький 1969]. В «Песне о соколе» счастье становится эквивалентом борьбы, битвы и неба как сакрального пространства, счастье достигается путем приобщения к сакральному пространству неба, которое недоступно и никогда не будет доступно ужу.

Сама сакральность образа летчика реализуется в произведениях 10—20-х гг. — примером может служить «небожитель — герой — человек» у Брюсова. В 1930-е образ летчика, на первый взгляд, десакрализуется, но на смену архаическому примитивному восприятию летчика приходит целый комплекс «восприятий» в контексте дихотомии «человек — машина», а к концу 30-х образ летчика снова претерпевает изменения: летчик воспринимается через призму фэйклорного фразеологизма «сталинский сокол», за счет чего он снова сакрализуется, но уже через образ вождя/властителя/ фараона.

В. Н. Топоров пишет о славянском универсальном символе мира [Иванов, Топоров 1980: 396—398] — мировом древе, на вершине которого находились птицы, в том числе и сокол. Здесь стоит сказать о стихотворении «Два сокола», которое помечено при одной из первых публикаций как «народная украинская песня» [Сборник 1940: 60], хотя

было написано Михаилом Исаковским. Главные герои произведения — Ленин и Сталин, которые представлены в образе соколов, сидящих на «дубу зеленом». Основная тема стихотворения — преемственность. Младший сокол — Сталин прощается со старшим соколом — умирающим Лениным и обещает продолжить его дело: «По-забудь тревоги, / Мы тебе клянемся / не свернем с дороги!» [Сборник 1940: 60]. В данном стихотворении реализуется принцип тройной преемственности: от старшего к младшему и позже к совсем юному: «Первый сокол — Ленин, / Второй сокол — Сталин, / А кругом летали / Соколята стайей» [Сборник 1940: 60]. Топос дуба отсылает к мифу о мировом древе. Традиция изображения высшей в иерархии единицы через птицу или животное может отсылать к шаманическим техникам экстаза и даже к тотемизму. Обозначение связи правителя с небом является еще одним инструментом легитимации власти, на этот раз через ее сакрализацию.

В процитированном сборнике за этим стихотворением следует «Песня о горном орле». Данное стихотворение являет собой развернутую орнитологическую метафору: «...И над всею землей / Свежий ветер шумит / От твоих развернувшихся крыл» [Сборник 1940: 61]. Стихотворение написано в форме обращения, орел упомянут лишь в заглавии, но это не просто орел, а орел, охватывающий крылами своими всю землю. Подобное описание отсылает к образу Оранты. Оранта — Богоматерь, изображаемая с раскинутыми в стороны руками, которая является, помимо прочего, воплощением женственности. Постановка абсолютно маскулинного образа орла в ту же позицию свидетельствует о смене мировоззренческих тенденций начала XX в. (с явным пафосом поклонения Вечной женственности), маскулинизации идеала.

Соколами в советском фольклоре/фэйклоре именуются и другие политические деятели, рангом ниже Сталина и Ленина: «На коне сидит да наш ясен сокол, / На имя Клим да Ворошилов-свет» [Крюкова 1939]. В сказе «Но твоим заветом все пополнилось» автор рисует картину рая-утопии: «В небе наши парни-соколы, / Наши девки водят тракторы, / И живем мы домом — полной чашею, / И в руках у нас работа спорится, / И в сердцах у нас любовь горит / За твою борьбу, за подвиги» [Крюкова 1939]. В этом физически воплощенном раю мужчина будто должен парить в небе, подобно соколу, или стать соколом, приобщиться к небесному, и это приобщение невозможно без исполнения заветов Ленина, которые начинают напоминать Священное Писание (или становятся неким

священным текстом новой эпохи). В том же сказе используется развернутая орнитологическая метафора деяний вождей: «по твоим заветам-завещанью / Нас ведет ко счастью Сталин наш. / От орлов орлята нарождаются, / У соколов — полеты соколиные, / Океан да с океаном — братья кровные. / Сталин Ленину да кровный брат / По работе, по размаху по орлиному, / По полету, по простору соколиному» [Крюкова 1939].

Произведения С. Михалкова конца 30-х — начала 40-х гг. также изобилуют орнитологическими метафорами. Стихотворение «Советские бомбардировщики» («Советские бомбовозы») написано в 1941 г., в начале 40-х написаны «Это наше», «Истребитель»: «То Кравченко, сокол отважный, / Как смерч налетел на врагов» [Михалков 2016]; «Стаи грозных эскадрилий / Бомбовозов, „ястребов“» [Михалков 2016] («Это наше»); «Показал в ночном бою / Ловкость, мужество и волю / Соколиную свою» [Михалков 2016] («Истребитель»). Орнитологическая метафора охватывает не только советских летчиков — летчиков немецких С. Михалков именует вóронами: «Это был по счету пятый / Сбитый в схватке боевой / Пятый ворон, черный ворон, / Погоревший под Москвой».

Орнитологическая (летчик — сокол) метафора становится в 30-е гг. функционально значимой, наиболее репрезентативной и частотной. В 10—20-е гг. метафоризация разнонаправленная — от зооморфных до технических метафор. Особое внимание авторов привлекают субъект-объектные взаимоотношения человека и машины, в силу того, что воздухоплавание в тот период является совершенно новой областью научно-технического прогресса. То есть основная функция метафоры в 10—20-е гг. — гносеологическая. В 30-е гг. функции метафоры, тематически связанной с авиацией, меняются: метафора перестает быть инструментом познания неизвестного через известное и становится инструментом пропаганды, т. е. в полном смысле политической метафорой, обладающей прежде всего эмотивной и миромоделирующей функциями.

В классификации А. П. Чудинова это моделирующая функция: «Использование системы взаимосвязанных метафор позволяет создать модель политической реальности при помощи системы концептов, относящейся к совершенно иной понятийной области. В результате этого политическая ситуация, которая требует осознания, представляется как нечто хорошо знакомое, для нее как бы уже существует готовая оценка» [Чудинов 2013: 19]. В случае с описываемой орнитологической метафорой готовая оценка уже

существует в сознании адресанта и адресата: сокол — традиционный фольклорный образ, абсолютно конкретно понимаемый любым русскоговорящим индивидом.

Как видно из фольклорных и авторских текстов, сокол — это, во-первых, жених, во-вторых, защитник, спаситель. То есть в образе сокола воплощается абсолютная маскулинность. Совершенно не случайно для названия советских летчиков выбрана именно эта номинация. Примечательно, что данная номинация становится общеупотребительной именно в 30-е гг.: на тридцатые пришлись наиболее значимые авиационные рекорды, спасение челюскинцев, которое стало контрапунктом советской культуры 30-х гг., именно в тридцатые советская культура обращается к созданию нового фольклора как одного из инструментов легитимации власти. Соколы («сталинские соколы», «красные соколы») находят свое место на вершине новой иерархии. В образе «сталинского сокола» органично сочетаются черты сакрального существа, абсолютная маскулинность, сила, отвага и героизм.

Орнитологическая метафора приобретает моделирующую функцию: новое явление перестает быть новым и требующим объяснения — оно становится обыденным и подвергается метафоризации с целью моделирования нового, хоть и перенимающего модели старого, образа мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова А. С., Неклюдов С. Ю. Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ar6.html>.
2. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. — М.: Альфа-книга, 2010. С. 553—562.
3. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения. Т. 2. — М.: Наука, 1969.
4. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 743—784.
5. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира: энцикл. — М., 1980. Т. 1. С. 389—406.
6. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Древо жизни // Мифы народов мира: энцикл. — М., 1980. Т. 1. С. 396—398.
7. Козлова И. В. «Сталинские соколы»: тоталитарная фразеология и «советский фольклор» // Антропологический форум. — СПб., 2010. № 12.
8. Крюкова М. С. Сказание о Ленине // Красная новь. 1937. № 11.
9. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репр. — М.: Восточная литература, РАН, 2000.
10. Михалков С. Истребитель // Стихи о войне. — М., 2016.
11. Михалков С. Советские бомбардировщики // Стихи о войне. — М., 2016.
12. Михалков С. Это — наше! // Стихи о войне. — М., 2016.
13. Сборник стихов для детей дошкольного возраста. — М., 1940.
14. Юмашев А. Источник нашей силы // Встречи с товарищем Сталиным / А. Фадеев. — М.: ОГИЗ, 1939. С. 196.
15. Юстус У. Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон: сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. С. 70—86.
16. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

T. A. Zagidulina
Krasnoyarsk, Russia

«STALINS' HAWKS» — ORNITHOLOGICAL METAPHOR IN AVIATION DISCOURSE
AS A TOOL FOR POLITICAL MYTH CONSTRUCTION

ABSTRACT. *The article studies the genesis and functioning of the phraseological unit "Stalin's hawks". A large corpus of different texts was analyzed to make an objective conclusion on the functioning of this phraseological unit; and the main features of the subject, which correlates with this phraseological unit, are revealed. The data from fiction books are compared with the lexicographic materials, which allows to trace transformation of the phraseological unit and to determine the degree of figurativeness and metaphorical character of the words and phrases "hawk" or "yasny sokol (the brave hawk)" as compared to the unit "Stalin's hawk". Special attention is paid to the works of the "new folklore", which show how new mythology become the ideological foundation of the new post-apocalyptic world (the Soviet culture views itself as the culture of post-apocalypses); the new world should be developed on the basis of the same rules as the old one, i.e. to follow the same route from the archaic literary forms to the more modern ones: from epic ballades to the novel. Lenin and Stalin were called the hawks in the Soviet folklore (fakelore). One of the instruments of legitimation of power, its sacralization, is the connection of the ruler with the sky. Ornithological metaphors were used to name the other political leaders, as well as some professional pilots. In the 1910-s, 1920-s, when flying was a rather new activity, the main function of such metaphors was the epistemological one. In the 1930-s it was substituted by the modeling function: the image of "Stalin's hawks" includes the features of the sacred creature, masculine abilities, strength, courage and heroism.*

KEYWORDS: ornithological metaphor; myth; socialistic realism; folklore; fakelore; semantic functions.

ABOUT THE AUTHOR: Zagidulina Tatiana Andreevna, Post-graduate Student, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia.

REFERENCES

1. Arkhipova A. S., Neklyudov S. Yu. Fol'klor i vlast' v zakrytom obshchestve // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2010. № 101. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ar6.html>.
2. Afanas'ev A. N. Narodnye russkie skazki. Polnoe izdanie v odnom tome. — M.: Al'fa-kniga, 2010. S. 553—562.
3. Gor'kiy M. Poln. sobr. soch. Khudozhestvennye proizvedeniya. T. 2. — M.: Nauka, 1969.
4. Gyunter Kh. Arkhetipy sovetsoy kul'tury // *Sotsrealisticheskiy kanon*: sb. st. / pod obshch.red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. — SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. — S. 743—784.
5. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. Ptitsy // *Mify narodov mira*: entsikl. — M., 1980. T. 1. S. 389—406.
6. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. Drevo zhizni // *Mify narodov mira*: entsikl. — M., 1980. T. 1. S. 396—398.
7. Kozlova I. V. «Stalinskie sokoly»: totalitarnaya frazeologiya i «sovetskiy fol'klor» // *Antropologicheskii forum*. — SPb., 2010. № 12.
8. Kryukova M. S. Skazanie o Lenine // *Krasnaya nov'*. 1937. № 11.
9. Meletinskiy E. M. Poetika mifa. 3-e izd., repr. — M.: Vostochnaya literatura, RAN, 2000.
10. Mikhalkov S. Istrebite! // *Stikhi o voyne*. — M., 2016.
11. Mikhalkov S. Sovetskie bombardirovshchiki // *Stikhi o voyne*. — M., 2016.
12. Mikhalkov S. Eto — nashe! // *Stikhi o voyne*. — M., 2016.
13. Sbornik stikhov dlya detey doskol'nogo vozrasta. — M., 1940.
14. Yumashev A. Istochnik nashey sily // *Vstrechi s tovarishchem Stalinym* / A. Fadeev. — M.: OGIZ, 1939. S. 196.
15. Yustus U. Vozvrashchenie v ray: sotsrealizm i fol'klor // *Sotsrealisticheskiy kanon*: sb. statey / pod obshch.red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. — SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. S. 70—86.
16. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii: monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Ковтун.